

Григорій СТАРИКОВ (Київ)

РЕСТИТУЦІЙНІ СУПЕРЕЧКИ ЩОДО ФОНДІВ КРЕМЕНЕЦЬКОГО ЛЦЕЮ

У міждержавних відносинах питання приналежності тих або інших культурних цінностей часто є не менш дражливим, ніж територіальні претензії. Дуже рідко вдається досягти в цьому питанні прийнятних для переговорних сторін умов договору, але й позитивне вирішення не завжди гарантує дотримання встановленого status quo.

18 березня 1921 р., після тривалих переговорів, у Ризі було укладено мирний договір між РСФРР і УСРР, з одного боку, і Польською республікою – з другого. XI стаття угоди передбачала надання Польщі грошової компенсації за внесок у розвиток царської Росії, а також повернення культурних цінностей, вивезених з її території, починаючи з 1 січня 1772 р.¹

Для реалізації положень XI статті створювалась тристороння Спеціальна змішана комісія, яка розпочала свою роботу 7 жовтня 1921 р. і засідала у Москві². Польську сторону в комісії представляли: А. Ольшевський (голова; посол та повноважний міністр Польщі), О. Чоловський (директор міського музею Львова), Е. Кунце (директор університетської бібліотеки в Познані), Ф. Копера (член Польської академії наук, директор Національного музею у Кракові), Е. Хвалевік (бібліотекар Міністерства праці та соціального забезпечення), В. Суходольський (віце-директор скарбового архіву у Варшаві) та ін. Російсько-українську репрезентували: П. Войков (голова; член Наркомату зовнішньої торгівлі), історики М. Любавський та Д. Багалій, О. Петров (завідувач Головнауки Наркомосу РСФРР), П. Кірсанов (представник Реевакуаційної комісії) та ін.³

З моменту відновлення Польщею незалежності у 1918 р. польська сторона почала складати реєстр своїх культурних пам'яток, що знаходились у межах колишньої Російської імперії, готуючись таким чином до майбутніх реституційних суперечок з Росією та Україною. Відповідно, на початок роботи змішаної комісії польські представники мали аргументований детальний перелік тих об'єктів, повернення яких вони вимагали. Варто відзначити, що

¹ Текст договору див.: Документи внешней политики СССР. – М., 1959. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Под ред. Г. А. Белова и др. – С. 619–658.

² Гетьманчук М. До питання про реалізацію Українською РСР XI статті Ризького договору щодо повернення Польщі культурних цінностей у 1921–1926 рр. // Проблеми слов'янознавства. – 1999. – Вип. 50. – С. 196.

³ Гетьман Д. І. Повернення і реституція історико-культурних цінностей в українсько-польсько-російських відносинах (1920-ті – 1930-ті роки): Дис. ... канд. іст. н. – К., 2010. – С. 57.

й російська сторона теж провела схожу роботу, надавши полякам список власних пам'яток, які ті мали передати РСФРР. На жаль, в Україні, на момент створення комісії, подібних заходів не відбулося, і українські делегати значно поступалися рівнем підготовки та організації⁴. М. Василенко, один з учасників “боїв за культурну спадщину”, зізнався Д. Багалію: “Ми були цілком темні і виступали з досить легковажним багажем”⁵. Українська сторона не змогла висунути Польщі зустрічних вимог на переговорах і зайняла суто оборонну позицію, стратегія якої полягала у спростуванні якомога більшої кількості пунктів польського меморандуму.

Однією з основних вимог, заявлених УСРР, стало питання про фонди колишнього Кременецького ліцею. За відомостями польської сторони, до Київського університету св. Володимира (на той час Вищий інститут народної освіти), крім бібліотеки (обсяг якої на 1819 р. складав близько 50000 томів та 1500 інкунабул⁶), нумізматичної та природничої колекцій ліцею, потрапили також архів Т. Чацького, рукописи праць В. Бессера, частина Віленської університетської бібліотеки (7554 томи), бібліотека Віленської медично-хірургічної академії та Духовної римо-католицької академії (17 655 томів), колекції книжок Луцької та Уманської василіанських шкіл (863 томи), збірки закритих єзуїтських монастирів, частина книгозбірень колишнього Польського лікарського товариства в Кременці та частина бібліотеки Босих кармелітів з Бердичева, польські приватні книгозбірні, перевезені в 1914 р. Ф. Ернстом, та ін. матеріали⁷.

Для відстоювання згаданих колекцій створили спеціальну комісію, головним чином із завідувачів різноманітних установ університету, під головуванням М. Василенка, якого згодом змінив ректор М. Лобода. Члени комісії склали цілу низку записок, у яких намагались вичерпно показати історико-юридичні відносини Кременецького ліцею та відповідних інституцій університету: М. Василенко простежив інституційний зв'язок ліцею та університету⁸, О. Оглоблин, В. Кордт, А. Лобода дослідили питання про формування та долю бібліотек цих установ, Г. Де-Метц – про фізичний кабінет, Д. Белінг – про зоологічний, О. Фомін – про ботанічний, В. Лучицький – про мінералогічний, Л. Личков – про геологічний, Г. Павлуцький – про кабінет графіки, П. Смирнов – про мюнцкабінет (нумізматичний). Для переговорів у Москві на основі всіх цих записок юристи А. Кристер, Б. Ландау, О. Гуляєв, М. Товстоліс та Я. Гольденвейзер підготували загальний меморандум. М. Василенко стисло передав Д. Багалію його характер: “Вона [записка] складається з трьох частин. В першій іде історичний огляд і рядом фактів доказується, що університет св. Володимира – це переведений до Києва і реформований волинський ліцей; в другій частині робиться огляд з історичного

⁴ Там само. – С. 62, 65, 67–68.

⁵ ІР НБУВ. – Ф. І. – Спр. 45609. – Арк. 1–4. (Лист Василенка М. П. до Багалія Д. І. від 18 жовтня 1922 р.).

⁶ *Гетьман Д. І.* Повернення і реституція історико-культурних цінностей... – С. 70. У поданому нижче документі наводиться інша цифра – 35000 томів, але без вказівки на конкретний рік.

⁷ Там само. – С. 63–64.

⁸ Ця записка стала основою для опублікування дослідження: *Василенко М.* Кременецький ліцей і університет св. Володимира: Історично-юридична розвідка // *Записки соціально-економічного відділу.* – 1923. – Т. 1; та окремого відбитку: К., 1923. – 49 с.

і фактичного боку усіх інституцій, на які претендують поляки. Третя частина – цілком юридична. Провідна її думка така: волинський ліцей ніколи не був зачинений (упразднен): він був переведений до Києва і тут після перевodu перетворений в університет. Таким чином, це не був вивіз майна в розумінні Ризької умови: це “перевод учреждения”, за яким послідувало майно; переведена до Києва інституція існує і зараз – це університет (В.І.Н.О.). На цьому, кажучи бігло, буде будуватися наша зацита”⁹.

Відстоювати положення меморандуму до Москви делегували Д. Белінга, М. Василенка, А. Лободу, М. Лободу, В. Кордта та А. Кристера. М. Василенко мав побоювання, що російська сторона може піти на певні домовленості з поляками, поступившись українськими інтересами. Тому він намагався зробити склад делегації якомога більш представницьким, зокрема залучивши ВУАН. Супроводжувати їх від Академії наук запросили А. Кримського та Р. Орженського. Але останній відмовився, оскільки, будучи поляком, вважав для себе неприйнятним брати участь у подібній справі. Мотивації А. Кримського М. Василенко не наводить, просто зазначивши, що він “ухилився”¹⁰. В такій ситуації репрезентувати Академію довелось і так делегованим А. Лободі та М. Василенку. Запрошуючи приєднатись до них Д. Багалія, М. Василенко не виключав, що “центр ваги буде перенесений на ґрунт руйнування української культури і треба буде захищати доводами, що видача полякам бібліотеки нанесе непоправиму шкочу українській культурі, як раз в час її нового відродження”¹¹. Д. Багалій цілком поділяв занепокоєння М. Василенка і на засіданнях комісії в Москві наполягав на врахуванні положень складеного в Києві меморандуму. В кінцевому підсумку спільний висновок російсько-української сторони, складений Д. Багалієм, повторював основні ідеї, висловлені М. Василенком, та відмовляв Польщі у передачі фондів Кременецького ліцею. Нижче наводиться текст цього документа.

ДОКУМЕНТ

Научному Комитету.
Для сведения и руководства
12/х Я. Ряппо¹

г. Зотину²
12/х 1923 № 7288

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ПОВОДУ ТРЕБОВАНИЯ
ПОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ О ВЫДАЧЕ КОЛЛЕКЦИЙ б. КРЕМЕНЕЦКОГО
ЛИЦЕЯ, ОГЛАШЕННОЕ В 19 ЗАСЕДАНИИ СМЕШАННОЙ РОССИЙСКО-
УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ 7 СЕНТЯБРЯ 1923 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ПОВОДУ ТРЕБОВАНИЯ
ПОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ О ВЫДАЧЕ КОЛЛЕКЦИЙ б[ывшего] КРЕМЕНЕЦКОГО
ЛИЦЕЯ

Меморандум Польской Делегации Смешанной Специальной Комиссии по по-
воду требования выдачи библиотеки, нумизматов и прочих коллекций бывшего

⁹ НБУВ ІР. – Ф. І. – Спр. 45609. – Арк. 1–4.

¹⁰ Там само.

¹¹ Там само.

Кременецького Лицея развивает свои положения на почве истории вопроса. В нем говорится о популярности этого Лицея в современном ему польском обществе, о больших на него пожертвованиях в виде стипендий и коллекций; благодаря чему в нем образовалась библиотека в 35.000 томов книг, образцовый нумизматический кабинет, естественно-историческая коллекция. Лицей под энергичным и умелым руководством знаменитого Тадеуша Чацкого³ вскоре стал наряду с лучшими высшими учебными заведениями Польши. Учебное и ученое значение Лицея оказалось столь значительным, что город Кременец, где царил атмосфера, создаваемая Лицеєм, получил в обществе того времени название “Волынских Афин”.

После Польского восстания 1831 года Кременецкий Лицей был упразднен и, начиная с 1833 г., все вышепоименованное культурное достояние Лицея вывозилось из Кременца и в конце концов поступило в Киевский Университет.

Таким образом, никакой преемственной генетической связи между Кременецким Лицеєм и Киевским Университетом, между коллекциями этих двух учебных заведений, авторы меморандума не устанавливают. Мало того, – по записке выходит, что ни тогдашняя русская верховная власть, ни ее высший просветительный орган – министерство народного просвещения, – ни русское общество вообще, ни население Правобережной Украины – Киевской, Волынской и Подольской губерний, никакого участия во всем этом деле не принимали.

Вполне присоединяясь к мысли о необходимости при рассмотрении заявленных Польской Делегацией требований основываться на исторических данных, Украинская экспертиза считает чрезвычайно существенным подробно остановиться на двух исторических моментах:

1. На возникновении Кременецкой Гимназии и на ее дальнейшем преобразовании в Лицей.
2. На преобразовании Лицея в Университет и на судьбе как личного состава Лицея, так и его имущества.

В основу настоящего заключения положены документальные данные первоисточников, как русских, так и польских.

1. КРЕМЕНЕЦКАЯ ГИМНАЗИЯ

Кременецкая Гимназия, переименованная в 1819 году в Волынский Лицей, учреждена после разделов Польши в 1805 году и таким образом не принадлежит к числу учреждений Речи Посполитой и ничего общего с ней не имеет.

Кременецкая Гимназия является всецело результатом русской государственной системы в деле народного просвещения в начале XIX столетия, имевшей в виду Империю в целом. К губерниям, от Польши присоединенным, в частности, к Виленскому Учебному Округу система эта применялась, как часть общеимперской.

24 Января 1803 года было утверждено общее положение об училищах (П[олное] С[обрание]З[аконов] № 20, 597). Учебные заведения были разделены на четыре рода: приходские, уездные, губернские или гимназии и университеты. Вся страна была разделена на шесть учебных округов, во главе которых были поставлены попечители – звание почетное и неоплачиваемое содержанием. Попечители вместе с другими лицами, для сего назначенными, составили, под председательством министра, Главное Правление училищ. Надзор за училищами был возложен на университеты, которые должны были ежегодно посылать своих членов (визитаторов) для обозревания учебных заведений.

В выработке этой организации наиболее активное участие принимал князь Адам Чарторыйский⁴.

В силу устава Виленского Университета в каждой губернии, подведомственной университету, должно было быть открыто не менее одной гимназии. Естественно, что вопрос о том, где будет открыта гимназия, представлял большой интерес для населения Волынской, Подольской и Киевской губерний.

Назначенный попечителем Виленского Учебного Округа князь Адам Чарторыйский представил на утверждение министра трех лиц, избранных Виленским Университетом визитаторами. Среди них был и Новогрудский староста гр[аф] Тадеуш Чацкий, на долю которого выпала работа по открытию гимназии в Волынской губернии. Посетив 7-го Сентября 1803 года Кременец, Чацкий встретился здесь с Гуго Колонтаем⁵ и вел с ним продолжительную беседу об открытии здесь гимназии. Колонтай отнесся с большим интересом к мысли Чацкого, находя только, что лучше было бы основать в крае университет. Чацкий тогда же представил Колонтаю ряд возражений против его мнения (Hugo Kolontaj. Corespondencija listowna z Tadeuszem Czackim, I, 121).

Однако, одновременно с возникновением предположения об открытии гимназии в Волынской губернии в правительственных сферах возникла мысль об открытии университета в Киеве. Об этом последнем предположении имеется прямое указание уже в “Предварительных Правилах народного просвещения”, а затем, во время пребывания в 1815 году министра народного просвещения графа Завадовского в Киеве, велись переговоры об учреждении здесь университета. Гр[аф] Чацкий, возражая против этого предположения, указывал на близость Харькова, где уже существовал в то время университет, почему – по мнению Чацкого – и не представлялось надобности в открытии университета в Киеве.

Культурным центром в крае должна была стать, по мысли Чацкого, Кременецкая Гимназия.

Первый попечитель Киевского Учебного Округа фон-Брадке⁶ впоследствии указывал, что кременецкая гимназия имела назначение “воспитывать молодых людей верными подданными русского императора, но с сохранением народности”. (Русский архив за 1875 г., кн. I, стр. 273). Слова фон-Брадке вполне подтверждаются, если ознакомиться с речами Чацкого, сказанными в Кременецкой Гимназии, наставлениями ученикам гимназии и т.д. Вполне понятно, что Чацкий, являясь деятелем министерства народного просвещения не был каким-нибудь оппозиционером, а проводил в деле народного образования политику, либо диктовавшуюся сверху, либо сверху получившую одобрение. Политика Чацкого не была его личной политикой, а политикой министерства народного просвещения. Она велась так потому, что дворянство, для которого собственно основывались гимназии и реформировался Виленский Университет, – было польским или ополяченным.

Естественно, что это направление политики позволило Чацкому сочетать свои национально-польские убеждения со своей деятельностью, как представителя русского министерства народного просвещения.

На содержание гимназии Чацким были собраны крупные пожертвования. Необходимо отметить, что еще при издании “Предварительных правил” правительство рассчитывало на частную благотворительность при открытии училищ вообще. И такие пожертвования действительно имели место. Достаточно вспомнить, что благодаря пожертвованиям сословий, подвинутых на это дело В. Н. Каразиным⁷ был открыт университет в Харькове одновременно с Кременецкой Гимназией. Пожертвования

Реституційні суперечки навколо фондів Кременецького ліцею

Волынского Дворянства для открытия школы выше среднего типа в незначительном дотоле Кременце аналогично в выборе места для университета в Харькове, который был предпочтен Киеву; Кременец был выбран, благодаря влиянию и энергии Чацкого и вызванным им патриотическим пожертвованиям. Харьков был выбран, благодаря личному влиянию Каразина и вызванным им общественным пожертвованиям; Каразин и Чацкий играли крупную роль в первоначальном устройстве Харьковской и Кременецкой школ, но оба действовали по уполномочию Министерства Народного Просвещения. И правительство со своей стороны склоняло общество к пожертвованиям.

Одновременно с делом об учреждении Кременецкой гимназии велось дело и об учреждении в Нежине гимназии высших наук кн[язя] Безбородко, обеспечившим ее своим пожертвованием, и Харьковского университета, где был свой Слободско-Украинский Чацкий – Василий Назарович Каразин, склонивший не одно дворянство, а все украинское общество к еще более крупным пожертвованиям для учреждения университета в Харькове. Любопытное совпадение: и Кременецкий, и Харьковский энтузиасты – Чацкий и Каразин – называют свои городки “Афинами”.

Сумма, собранная Чацким, составляла ко времени утверждения устава гимназии, не считая одновременных пожертвований, постоянный капитал в 194.400 рублей.

Разумеется, на одни частные пожертвования гимназия существовать не могла. Значительную часть своих средств гимназия получала из казны. Помимо полагавшихся на нее по штату, как и на другие гимназии, 5700 рублей сер[ебром], гимназия получала от Александра I в виде пожалования целое Кременецкое староство (Сборник матер[иалов] т. III, стр. 347 и след.). Кременецкое староство давало дохода 6000 руб. сер. Штат касался содержания преподавательского состава, служащих и расхода на хозяйственные нужды и учебно-вспомогательные учреждения и выражался в ежегодной сумме 15.420 рублей; тут фигурируют и ботанический сад, и типография, и библиотека, и издание сочинений, и модели, и машины, и физический кабинет, и химическая лаборатория, и анатомические приборы. На приобретение коллекций предназначалась значительная по тому времени сумма в 1604 рубля в год.

Существовала Кременецкая Гимназия на основании особого устава (Полное Собрание Законов № 21849), в основе своей вполне сходного с общеимперским, хотя с более широкой программой.

12 Октября 1805 года в гимназии началось учение. Однако, помещение гимназии в Кременце далеко не удовлетворило всех и уже в 1807 году был поднят вопрос о переводе гимназии. Против Кременца высказался Волынский губернатор Комбулей, указавший на недостатки Кременца в качестве постоянного места для гимназии и выдвигавший, как более удобное место, Новоград-Волынский. Только поддержка графа Завадовского⁸ удержала гимназию в Кременце.

Недовольство обнаружилось и среди дворянства не только Кременцем, но и Волынской гимназией. В 1810 годы волынские дворяне просили, чтобы был рассмотрен и вопрос, не само ли место, где находится гимназия, является причиной малого поступления учеников в Волынскую Гимназию. Некоторые высказывали желание, чтобы гимназия была переведена в Винницу, как “город, превосходящий Кременец по урожаю хлеба, прибылью леса и здоровому местоположению”.

Для рассмотрения этих заявлений была учреждена особая Комиссия.

Но, благодаря заступничеству кн. Чарторыйского перед Александром I и благоприятному отзыву Комиссии, гимназия была оставлена в Кременце.

8 Февраля 1813 года умер Тадеуш Чацкий. Преемником его в качестве визитатора был избран, по рекомендации самого Чацкого, гр[аф] Плятер⁹, а преемником его были визитаторы, избравшиеся из числа профессоров Виленского Университета.

2. ПРЕВРАЩЕНИЕ КРЕМЕНЕЦКОЙ ГИМНАЗИИ В ЛИЦЕЙ

В то время видное место в жизни гимназии занял предводитель дворянства Кременецкого уезда генерал Джевецкий¹⁰. Джевецкий виделся с попечителем кн[язем] Чарторыйским и заинтересовал его Волынской Гимназией. В 1818 году Чарторыйский посетил Кременец и остался доволен гимназией. Благодаря его ходатайству Гимназия была переименована в Лицей, к типу которого она до некоторой степени приближалась и ранее. Преобразование преследовало цель привлечения большего количества учеников и притом не только из Волынской, но и Подольской губернии. Эти именно соображения приводятся в рескрипте от 18 Января 1819 года на имя министра народного просвещения кн[язя] Голицына¹¹, где указывается, что основанием преобразования послужило то обстоятельство, что губернии Волынская и Подольская по отдаленности их от Виленского Университета имеют надобность в высшем училище, которое благородному юношеству могло бы, по крайней мере, в некоторых частях заменить университет (Сбор[ник] пост[ановлений] по министерству народного просвещения, т. I, № 421).

Преобразованный таким образом Волынский Лицей, призванный обслуживать нужды Волынской и Подольской губерний, просуществовал в этом виде до начала 30-х годов, когда вновь возник вопрос об его переводе и дальнейшем преобразовании в университет.

Еще в 1818 году Киевская губерния была изъята из ведения Виленского Университета и причислена к Харьковскому учебному Округу, причем причиной была выставлена отдаленность и трудность управления (П[олное] С[обрание] 3[аконов] № 27542). В 1824 году при новом распределении учебных округов Белорусской губернии – Виленская и Могилевская – из Виленского были переданы в С.-Петербургский учебный округ, а в 1829 году из них образован был особый Белорусский Округ (П[олное] С[обрание] 3[аконов] № 2599, 2-е). 12 Января 1831 года из Виленского Учебного Округа изъяты губернии Волынская, Подольская и Минская. Виленский Округ был таким образом ограничен только губерниями Виленской и Гро[д]ненской и областью Белостокской. Но при таком распределении округов Харьковский учебный Округ получался чрезмерно обширным, и 13 Декабря 1832 года из него был выделен особый Киевский Учебный Округ в составе губерний Киевской, Волынской, Подольской и Черниговской (2-е П[олное] С[обрание] 3[аконов] № 5825). Во главе его был поставлен фон-Брадке.

Эти изменения не могли не коснуться и Кременецкого Лицея.

В 1831 году занятия в Лицее были временно прекращены. По распоряжению Волынского Военного Генерал-Губернатора от 26 Декабря 1830 года ученики, разъехавшиеся по домам на праздники Рождества, не вернулись вследствие свирепствовавшей в Кременце и его окрестностях холеры, а остальные по той же причине были взяты родителями в конце марта 1831 года домой; обстоятельство это вызвало прекращение занятий, о чем Директор Лицея сообщил училищному комитету рапортом от 3 Апреля 1831 года.

Но в конце 1831 г. занятия возобновились. В Октябре этого года Лицей посетил попечитель Харьковского Учебного Округа Филатьев¹², который сделал ряд

Реституційні суперечки навколо фондів Кременецького ліцею

распоряжений по текущим делам. Очевидно им же было дано предписание о возобновлении занятий, ибо 16 Декабря 1831 года Директор Лицея писал преподавателю Лицея Карлу Микульскому: “Так как по распоряжению начальства преподавание воспитанникам фундушового при Лицее конвикта уже продолжается, то посему предлагаю Вам заняться преподаванием своего предмета помянутым воспитанникам в назначенные к тому часы”.

III. ПЕРЕВОД ЛИЦЕЯ В КИЕВ

Намечавшийся еще ранее перевод Волынского Лицея в Киев с тем, чтобы им могли пользоваться и жители Киевск. губ. был решен 12 Апреля 1832 года (Сборн[ик] пост[ановлений] по Мин[истерству] Нар[одного] просв[ещения] Т. II, № 238). Перевод Лицея в Киев должен был вызвать ряд преобразований в структуре всех вообще учебных заведений Края, на что и указывал в своем докладе от 14 Декабря 1832 года об учреждении Киевского Учебного Округа Министр Народного Просвещения¹³: “В настоящее время, – писал он – когда устраиваются училища западных губерний и когда подлежит устройство Лицея в Киеве... все требует не только великого внимания и заботливости, но и неперемennого пребывания попечителя” (Сб[орник] пост[ановлений] по Мин[истерству] Нар[одного] Просв[ещения], т. II, № 212).

С назначением попечителя Киевского Учебного Округа фон-Брадке дело с переводом Лицея подвинулось вперед. 23 Мая 1832 года Комитетом Министров был одобрен ряд мер, предложенных попечителем и касавшихся перевода Лицея в Киев (Сб[орник] пост[ановлений], т. II, № 233). 1 Июня 1833 года фон-Брадке поручил учителю Корониовскому сопровождать учеников конвикта и училища землемеров в Киев и дал детальные указания по поводу порядка перевозки имущества (рапорт Попечителя Киевского Учебного Округа на имя Мин[истра] Нар[одного] Просв[ещения]¹⁴ от 1-го Июля 1833 года). 21-го Июня 1833 года в Киеве Попечителем была учреждена особая Комиссия по делу об устройстве Лицея в Киеве. Комиссия немедленно приступила к работам. Первым ее делом было заказать мебель и полки для его библиотеки. Были также назначены торги на содержание конвикта и землемерного отделения. Комиссия эта существовала недолго. К 1-му Августа 1833 года прибыл в Киев и вступил в должность Директора Волынского Лицея Баканин.

Попечитель предписал тогда Комиссии прекратить свои действия и передать дела Директору Лицея.

На то время, как принимались эти меры по подготовке перевода Лицея, занятия были прекращены.

14 Мая 1833 года Министр докладывал императору Николаю I о бегстве 6 Мая того же года из Лицея 6-ти казеннокоштных воспитанников и царь положил резолюцию: “До перевода Лицея нужно сейчас его закрыть, отпустив детей к родителям” (Сб[орник] пост[ановлений] т. II, № 233). Из этой резолюции следует, что в Мае 1833 года в Лицее шло учение и были ученики. Последнее обстоятельство подтверждается как только что цитированным рапортом фон-Брадке от 1 Июля 1833 года, так и текущей перепиской Лицея, поскольку она сохранилась в Архиве Попечителя Киевского Учебного Округа. Напр[имер], 9 Января 1833 года Попечитель Харьковского Учебного Округа Филатьев предписывает принять в конвикт для бедных, что в Кременце, одного воспитанника; преподаватели хлопочут об отпусках, о пенсиях, составляется смета, идут текущие расходы, словом, налицо имеются признаки действующего учебного заведения.

Этими фактами устанавливается с полной несомненностью, что ни в 1831, ни в 1832, ни в 1833 году Лицей упразднен не был.

Из сказанного также можно усмотреть, что на внутренней жизни Лицея польское восстание 1830/1831 гг. чем либо существенным не отразилось. Это обстоятельство стоит в связи с самым характером восстания на Волыни. Отсутствуют какие бы то ни было упоминания о причастности Кременецкого Лицея к восстанию. Занятия в Лицее были прекращены после появления холеры. По случаю холеры воспитанники были распущены по домам, а учителя, как это видно из официальных данных, стояли вдали от кружков, примкнувших к восстанию.

Это благонамеренное, с точки зрения тогдашнего русского правительства, поведение учителей было известно и попечителю Харьковского Учебного Округа В. И. Филатьеву, приехавшему в конце 1832 года в Кременец. Спутники попечителя рассказывают о том радушии и гостеприимстве, с которыми они были встречены в Кременце при посещении Лицея (Киевская Старина 1896 г. Февраль, стр. 332).

Правда, вопрос о политической благонадежности учителей Кременецкого Лицея стал через год после восстания предметом обсуждения со стороны администрации края; но следствие установило полную непричастность учителей лицея к восстанию и ложность доноса.

Имеющаяся по этому делу переписка бросает яркий свет на поведение учителей Лицея во время восстания 1832 года: кроме единственного учителя Ульдинского, который казался попечителю “слишком поляком” и был удален со службы, все остальные оставались в лицее и вместе с Лицеем были переведены в Киев, где и утверждены профессорами Университета Владимира.

Как указано было выше, с Мая 1833 года работы по переводу Лицея в Киев усиленно подвигались вперед. В указанном ранее «изложении» Комитета Министров от 23 Мая 1833 года мы читаем: “Перевести в Киев к 1-му Июля все Управление Лицея, кабинеты ботанический, зоологический, минералогический, физический и живописный, химическую лабораторию, нужнейшую часть библиотеки” и пр. (Сборн[ик] пост[ановлений] по Мин[истерству] Нар[одного] просв[ещения], т. II, № 233).

Работы по устройству Лицея в Киеве велись непрерывно; так, напр., Попечитель писал Администрации Лицея: “Препровождая при сем утвержденные мною правила для библиотеки Киевского Лицея, предлагаю Администрации предписать кому следует принять оные к исполнению”.

С переводом Лицея в Киев неизбежно должен был измениться и его характер. Уже с преобразованием в 1819 году Кременецкой Гимназии в Волынский Лицей он сделался учебным Заведением не только для Волыни, но и для Подолии. Переведенный в Киев, Лицей должен был обслуживать нужды всего Юго-Западного Края. Такое расширение круга деятельности Лицея должно было повлечь за собой и расширение плана преподавания в Лицее, и дальнейшее его преобразование.

4. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛИЦЕЯ В УНИВЕРСИТЕТ

Перевод Волынского Лицея в Киев должен был дать новый толчок существовавшему еще в начале XIX века предположению об учреждении здесь Университета. Такое учреждение облегчалось возможностью преобразовать в университет переводимый лицей. На это обстоятельство прямо указывает доклад Мин. Нар. прос., в коем говорится, что переводимый из Кременца в Киев Волынский Лицей

Реституційні суперечки навколо фондів Кременецького лицю

“распространен, усилен в способах высшему образованию юношества и в новом составе своем назван Университетом св. Владимира”. Указ 8 Ноября 1833 года об учреждении Университета в Киеве гласил: “Обращая непрерывное внимание наше на успехи общего истинно-народного воспитания в государстве, признали мы за благо, по переводе Волынского Лицея из Кременца в Киев, преобразовать оный в высшее учебное заведение с надлежащим распространением и на твердых основаниях преимущественно для жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний, коих наследственное усердие в пользу просвещения упрочило и на будущие времена благосостояние учебных заведений того края” (Сб[орник] Пост[ановлений] по Мин[истерству] Нар[одного] просв[ещения] т. II, № 272).

Научные силы, имевшиеся в Волынском Лицее, давали полную возможность организовать университетское преподавание. В Киевский Университет, инкорпорировавший в себя Волынский Лицей, были переведены многие профессора Кременецкого Лицея, долженствовавшие привлечь за собою и учащееся юношество. Это было уже фактическое преемство Киевского Университета в отношении Волынского Лицея. На Киевский Университет переводилась сумма из фундушей и капиталов, пожертвованных дворянством трех губерний для Волынского Лицея. На постройку здания предназначалось обратить и суммы, вырученные за уступку здания быв[шего] Кременецкого Лицея. Таким образом, даже здание Кременецкого Лицея, которое физически не могло быть переведено в Киев, перешло туда в виде денежной его стоимости, т.е. опять-таки, если можно так выразиться, вошло в состав Киевского Университета. Наконец туда же, в Киевский Университет, были практически физически перенесены и коллекции Кременецкого Лицея.

Чрезвычайно большой интерес для характеристики взаимоотношений Лицея и Университета имеет первый протокол Совета Университета. Этим протоколом устанавливается тот факт, что преподаватели бывшего Волынского Лицея были привлечены к преподаванию в Университете, как равно были сохранены на своих должностях заведующие вспомогательными учреждениями (напр., библиотекарь Янковский) и другие лица, входившие в состав администрации Лицея. Первый протокол университета между прочим гласил: “Попечитель Киевского Учебного Округа объявил, что Государь утвердил учителей бывшего Волынского Лицея ординарными профессорами Якубовича, Выдевского, Абрамовича, Зеновича, Бессера, Миховича, адъюнктами – Корженевского и Андженевского, лекторами Плянсона и Липля и учителем рисования Клембовского”.

Так вырос из Волынского Лицея Киевский Университет. Если Лицей, как говорилось в Указе 1819 года о преобразовании Кременецкой Гимназии в Волынский Лицей, должен был для жителей Волынской и Подольской губерний, по крайней мере, в некоторых частях заменить Университет, то после преобразования Лицея в Университет жители всего края имели то высшее учебное заведение, в коем они нуждались.

На содержание Университета по докладу Министра народного просвещения, были обращены указом 8 Ноября 1833 г. все доходы с фундушей и капиталов, пожертвованных дворянством Волынской, Подольской и Киевской губерний для Волынского Лицея. Они должны были на будущее время составить неприкосновенную собственность Университета. На Университет были обращены все вообще источники, как государственные, так и частные, из которых черпал свои материальные средства Волынский Лицей и, кроме того, все доходы с пожертвованного в 1805 году

Киевским дворянством на Киевскую Гимназию и училища, за исключением суммы, ежегодно употреблявшейся на содержание уездных училищ в Махновке и Радомысле и единовременных издержек на первоначальное обзаведение благородного пансиона Киевской гимназии (П[олное] С[обрание] З[аконов] № 6558-а, 2-е, Сборник стр. 647–651, № 272). Таким образом, с преобразованием Волынского Лицея в Университет, к последнему естественно отошли и все материальные источники Волынского Лицея, тем более, что задачей Университета было обслуживать интересы не одной какой-нибудь губернии, а целого Края.

Общность задач и целей, какие ставились Волынскому Лицею и Киевскому Университету, должна была отразиться и на судьбе тех вспомогательных учреждений и коллекций, начало которым было положено в Кременце.

Имущество, перевезенное из Кременца, не оставалось в [неизменности. Над]ча]стью этого имущества деятельно работали киевские ученые: библиотека накопила дальнейшие богатства, причем новые приобретения всегда делались с принятием во внимание уже имевшегося запаса книг. Такой обработке подверглись и другие коллекции, имевшиеся еще раньше в Кременце. Судьба как личного, так и имущественного состава Волынского Лицея стала одинакова – они составили Киевский Университет.

Образовательное значение Киевского Университета в крае было велико как для русских и украинцев, так и для поляков. Роль эта с течением времени не уменьшалась, а возрастала. Количество студентов с каждым годом увеличивалось, причем преобладающее большинство их было сначала из губерний Киевской, Волынской и Подольской. Польское население края также удовлетворило свои просветительные нужды в Киевском Университете и долгое время, до начала 1860 гг. большинство слушателей Университета принадлежало к римско-католическому исповеданию, т.е., другими словами – к польской национальности. Поэтому при постройке здания Университета в 1842 году было отведено особое помещение для костела. С начала 1860 годов картина несколько меняется. Польский элемент не является уже в Университете количественно преобладающим. Причины этого нужно видеть не столько в последствиях Польского восстания 1863 г., сколько в демократизации Киевского Университета. С освобождением от крепостной зависимости 1861 года мало по малу в Университет стали проникать дети духовенства и крестьян, уроженцев местного края, по происхождению украинцев или русских. Они то и образуют теперь большинство студентов. Поляки же, составлявшие, главным образом, дворянство в крае, естественно, не были теперь на первом плане в Университете, сравнительно с представителями большинства населения Украины, многим из которых, как недворянам, не было раньше по разным причинам места в Университете.

История преобразования Кременецкой Гимназии в Лицей и Лицея в Киевский Университет приводит к следующим выводам:

1. Гимназия в Кременце была основана русской государственной властью по исполнению начертанного для всей империи плана развития народного просвещения и к числу учреждений Речи Посполитой не принадлежала.

2. Существовала Гимназия на средства, как отпускавшиеся от казны по штату, так и специальные, а равно на средства, собранные для нее со всего края, т.е. с населения Киевской, Подольской и Волынской губерний.

3. Преобразованный из нее Лицей призван был обслуживать интересы не только Волынской, но и Подольской губерний.

Реституційні суперечки навколо фондів Кременецького ліцею

4. Перевод Лицея в Киев не был вызван восстанием 1831 года: никакого участия в восстании 1830–31 гг. и никакой прикосновенности к восстанию Лицей не имел и на внутренней жизни его оно не отразилось.

5. Кременецкий Лицей никогда упразднен не был, а был лишь переведен в другое место того же края – в Киев и здесь преобразован в Университет с сохранением своего имущественного и личного состава.

6. Таким образом, Киевский Университет является тем же Кременецким Лицеєм, лишь пополненным и преобразованным соответственно более широким, поставленным ему, как университету, задачам.

Придя к изложенным здесь выводам, Украинская Экспертиза не будет входить в рассмотрение вопроса о каждой из них в отдельности, но считает своим долгом заявить, что она для себя тщательно проделала эту работу, привлекая к этому исследованию целый ряд ученых специалистов Украины. В своих разысканиях они констатировали тот факт, что в основание польских требований о возвращении отдельных коллекций были положены недостаточно проверенные данные, результатом чего явился целый ряд фактических ошибок и недоразумений.

Таким недоразумением является мысль об упразднении Волынского Лицея в связи с восстанием 1831 года; неточно указано число книг Королевской Библиотеки; сделан неправильный подсчет монет нумизматической коллекции; рукописи проф. Бессера¹⁵ (О флоре) никакого отношения к имуществу Кременецкого Лицея не имели, а были подарены его дочерью проф. Роговичу¹⁶, который пожертвовал их Киевскому Обществу Естествоиспытателей. На недоразумении основано также требование о выдаче части Архива Эдукационной Комиссии¹⁷, которая смешана с русской Эдукационной Комиссией, и частного Архива Чацкого, какового никогда не было и ныне нет ни в б[ывшей] Киевской Духовной Академии, ни в других хранилищах У.С.С.Р.

7 Сентября 1923 г.

Москва.

Эксперт Акад. Дм. Багалей.

ЦДАВОВУ України. – Ф. 166. – Оп. 2. – Спр. 975. – Арк. 38–54. Машинопис.

КОМЕНТАРІ

1. Ряппо Ян Петрович (1880–1958) – радянський діяч, естонець з походження, закінчив Петербурзький університет, з 1917 р. перебував в Україні, очолював відділи освіти у Миколаєві та Одесі, протягом 1921–1928 рр. – заступник наркома освіти УСРР, голова Державного науково-методичного комітету, у 1928–1938 рр. – нарком легкої промисловості, потім – заступник голови Вищої ради народного господарства УРСР, керівник науково-методичного кабінету Міністерства освіти УРСР.

2. Зотін М. – радянський діяч, педагог, історик освіти, співробітник Нарокомосу УСРР, очолював методичну комісію профосвіти та політосвіти при Державному науково-методичному комітеті.

3. Чацький Тадеуш (1765–1813) – польський історик, освітній та громадський діяч, протягом 1773–1779 рр. – член Едукаційної комісії Речі Посполитої, з 1803 р. – куратор шкіл Волинської, Подільської та Київської губерній, у Кременецькому ліцеї заснував нумизматичний музей, колекція якого нараховувала близько 19 тис. монет та медалей і згадується в документі, сприяв поверненню з Росії на Волинь бібліотеки К. Залуського.

4. Чарторійський Адам Єжи (1770–1861) – польський політичний діяч, радник царя Олександра I, міністр закордонних справ Росії у 1804–1806 рр., з 1815 р. – сенатор Царства Польського, підтримав повстання 1830–1831 рр., після його поразки – в еміграції у Франції.

5. Коллонтай Гуго (1750–1812) – польський політичний та освітній діяч, публіцист, “мозковий центр” Едукаційної комісії, протягом 1782–1786 рр. виконував функції ректора Краківської академії, за підтримку повстання Тадеуша Костюшка (1794) був ув’язнений, звільнений у 1802 р., у 1807 р. засланий до Москви за симпатії до імператора Наполеона.

6. Брадке фон, Єгор Федорович (1796–1862) – російський державний та військовий діяч, сенатор, брав участь у придушенні польського повстання 1831 р., протягом 1832–1839 рр. та 1854–1862 рр. – попечитель Київського та Дерптського навчальних округів відповідно, активно сприяв створенню Київського університету св. Володимира (1834).

7. Каразін Василь Назарович (1773–1842) – державний та громадський діяч, вчений, винахідник, ініціатор створення Харківського університету (1805).

8. Завадовський Петро Васильович (1739–1812) – російський державний діяч, граф, фаворит Катерини II, перший міністр народної освіти Російської імперії (1802–1810).

9. Плятер Пилип Антонович (бл. 1784–?) – російський державний діяч польського походження, протягом 1811–1813 рр. – куратор шкіл Волинської, Подільської та Київської губерній, у 1816–1824 рр. – віце-губернатор Волинської губернії.

10. Джевецький Юзеф (1772–1852) – польський військовий та громадський діяч, посол на сейм 1792 р., учасник повстання Тадеуша Костюшка, з 1817 р. – маршалок Кременецького повіту, дядько Стефана Джевецького – піонера підводної навігації.

11. Голіцин Олександр Миколайович (1773–1844) – російський державний діяч, обер-прокурор Священного Синоду (з 1803 р.), міністр народної освіти (з 1816 р.), протягом 1817–1824 рр. – міністр духовних справ і народної освіти, дійсний таємний радник (з 1841 р.).

12. Філатєв Володимир Іванович (1778–1842) – російський державний діяч, предводитель дворянства Ростовського повіту (1812–1815) та Ярославської губернії (1815–1827), з 1827 р. – на службі у Міністерстві внутрішніх справ, протягом 1830–1834 рр. – попечитель Харківського навчального округу.

13. З 1828 по 1833 рр. посаду міністра народної освіти обіймав князь Карл Андрійович Лівен (1767–1844).

14. Протягом 1833–1849 рр. посаду міністра народної освіти обіймав граф Сергій Семенович Уваров (1786–1855).

15. Бессер фон, Вілібальд Готліб (1774–1842) – ботанік, ентомолог, професор Київського університету.

16. Рогович Опанас Семенович (1813–1878) – ботанік, палеонтолог, професор Київського університету.

17. Едукаційна комісія (1773–1794, Komisja Edukacji Narodowej) – державна освітня інституція в Речі Посполитій, утворена з ініціативи короля Станіслава-Августа Понятовського і затверджена сеймом 15 жовтня 1773 р., фактично перше в Європі міністерство освіти. На Едукаційну комісію покладалося реформування системи освіти після ліквідації у 1773 р. Єзуїтського ордену.

Реституційні суперечки навколо фондів Кременецького ліцею

Григорій Стариков (Київ). **Реституційні суперечки щодо фондів Кременецького ліцею.**

Ризький мирний договір, підписаний у 1921 р. між Польською республікою та РСФРР і УСРР, XI статтею зобов'язував останніх повернути певні культурні цінності, вивезені з польської території, починаючи з 1 січня 1772 р. У публікації подано спільний висновок російсько-української сторони, який заперечував правомірність польських вимог щодо колекцій колишнього Кременецького ліцею.

Ключові слова: Ризький договір, реституція, культурні цінності, бібліотека, меморандум.

Григорий Стариков (Киев). **Реституционные споры вокруг фондов Кременецкого лицея.**

Рижский мирный договор, подписанный в 1921 г. между Польской республикой и РСФСР и УССР, XI статьей обязывал последних вернуть определенные культурные ценности, вывезенные с польской территории, начиная с 1 января 1772 г. В публикации представлено совместное заключение российско-украинской стороны, отрицающее правомерность польских претензий на коллекции бывшего Кременецкого лицея.

Ключевые слова: Рижский договор, реституция, культурные ценности, библиотека, меморандум.

Hryhorii Starykov (Kyiv). **Restitutorial Controversies Regarding the Fonds of the Lyceum in Kremenets.**

In the treaty of Riga (1921) between the Republic of Poland, the Russian Soviet Federative Socialist Republic, and the Ukrainian Socialist Soviet Republic, the eleventh article obligated Russia to return cultural possessions that were taken from Poland during the time starting from 1 January 1772. The publication presents the joint conclusion of the Russian and Ukrainian negotiators wherein they offer their objections to the legitimacy of the Polish demands concerning the collection of the former lyceum in Kremenets.

Key words: treaty of Riga, restitution, cultural values, library, memorandum.